

ной невозможности вести какую-либо борьбу. В таком случае остается последний исход, о котором мы уже говорили — тактика пассивного сопротивления.¹³⁾

Н. Н. Алексеев.

Урок истории

Если задаться вопросом, каков исторический смысл победы, одержанной Германией в мировой войне двадцать лет спустя по ее формальному завершении, т.-е. какой свет эта победа проливает на ход европейской истории в новейшее время, в эпоху перманентной в сущности революции, борьбы за осуществление всего, что связано с «бессмертными принципами 1789 года», то ответ, думается, должен быть таков: победа Германии — новой Германии, переродившейся после Войны, — была в известном отношении реализацией идеалов, выдвинутых демократиями, и которых сами демократии не осуществили. Идеи личной свободы и личного равенства дали начало идее самоопределения народов. Каждый народ имеет право осуществить свое единство, имеет право на свою землю, свою государственную власть, и т. д. Но что такое народ? Когда державы-победительницы «устраивали» Европу и организовывали Лигу народов, они обошли этот вопрос, или, вернее, при определении, что такое народ или нация, руководствовались в различных случаях различными критериями — в зависимости от «реально-политических (что, впрочем, разумеется, замалчи-

¹³⁾ Хотя статья эта и не стоит на строго конфессиональной почве, однако по интенциям своим она хочет показать, как нужно смотреть на войну с точки зрения православной. В этом смысле статью эту можно считать ответом на ту протестантскую теорию войны, которая популярна в некоторых (правда, не всех) германских кругах. Ср. статью Prof. Althaus'a и в сборнике «Kirche, Volk und Staat», Berlin, 1937.

валось) соображений. Население каждой из республик Латинской Америки признавалось отдельной нацией; немцам же было запрещено считаться таковою, и австрийским немцам не дозволялось соединиться со всеми остальными под тем предлогом, что это противоречило бы принципу самоопределения народов, и было бы нарушением «независимости Австрии», блюсти которую обязались победители. Правда, была сделана поправка: было признано существование национальных меньшинств; известно, однако, что на деле права этих меньшинств соблюдались как раз только в той самой несчастной Чехословакии, которой пришлось первой расплатиться за все грехи лжи, лицемерия, игры словами, извращения принципов Вильсона, которые лежат на совести победителей в великой войне. Насколько вообще национальный вопрос, как он понимался и понимается до сих пор, возможно разрешить, Германия его разрешила — для себя. Теперь она выдвигает новый подобный вопрос — украинский. Что она это делает в своих, а не в украинских интересах, — чего она и не скрывает, — это, в настоящей связи, не имеет значения. С точки зрения философии европейской истории, и в этом отношении Германия дает урок европейским демократиям. Украинский вопрос не выдумка каких-нибудь интриганов, авантюристов, или беспочвенных романтиков: он — есть. Ибо если нацией считать коллектив, признаками единства которого служат язык, литература и газеты на этом языке, училища, где преподают на этом языке, то украинская нация сейчас — несомненный факт. Можно убеждать украинцев, входящих в состав бывшей Российской Империи, что отделяться от СССР (или, что то же, России) для них невыгодно, что независимая Украина, в нынешних условиях, неизбежно станет немецкой колонией, но отрицать за русскими, польскими, чешскими украинцами право на самоопределение нельзя никак. Для этого нет оснований. То, что Украина была так долго частью России, что, при всем антагонизме между «хохлами» и «москалями», столько людей украинского происхождения были русскими писателями, профессорами, учителями,

чиновниками, командующими войсками, полицеймейстерами, жапдармами и т. д., и т. д., сейчас ровно ничего не значит. Если идти в этом направлении, можно забрести Бог знает куда. Если ссылаться на исторические права, то придется согласиться на том, чтобы отдать Италии всю Францию, Англию, Испанию, Балканский полуостров, и столько еще земель: ведь, когда-то все это бесспорно принадлежало Риму. Довольно того, что такой-то и такой-то народ желает «самоопределиться». С точки зрения «бессмертных принципов», он в таком случае имеет на это право. Надо быть последовательным. Если бы случилось, что все бретонцы — или большинство их — заразились бретонским регионализмом и дошли до сепаратизма, то они имели бы такое же право отделиться от Франции, каким в свое время воспользовались савойцы, добровольно отделившиеся от Пьемонта и присоединившиеся к Франции. В этих и подобных случаях оспаривать такое право ссылкой на то, что такой-то и такой-то народ никогда не жил собственной исторической жизнью, что его язык в сущности не язык, а всего только «диалект», — просто нелепость. Всякий «диалект» в любой момент может возвыситься в чин «языка», и «историческая жизнь» в любой момент может начаться.

Вопрос не в этом, а в том, как тот или другой народ сможет осуществить свое право. «Самоопределиться» значит, прежде всего, замкнуться в собственных границах, обзавестись собственными министрами, посланниками, почтовыми марками, денежными знаками и прочими подобными вещами, свидетельствующими о народном суверенитете. Вот тут-то и возникают затруднения. Возьму в пример украинский вопрос. Что такое Украина? Где ее границы? Новороссия, например, — тоже Украина? Язык, на котором говорит здесь простонародье, — какая-то смесь малорусского с великорусским, и скорее похож на последний, чем на первый. Население — смесь малороссов, великороссов, выходцев из Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, армян, евреев, немцев. Это, допустим, предельный случай. Но в сущности, нигде нет чистых народов, как

нет чистых рас. И в особенности это имеет силу для всех земель, бывших в течение столетий спорными.

Вот в этом-то и состоит смысл урока, преподанного Германией демократиям. Стоя на точке зрения права народов на самоопределение, как оно понималось и понимается со времени Великой Революции, приходится признать за любым коллективом право требовать для себя собственного государства с его территориальными границами и всем прочим. В большей же или меньшей степени такого рода самоопределение всегда и обязательно должно привести к образованию не национального государства, а империи, хотя бы микроскопических размеров. Как ни переделывай политических границ европейских народов, национальный вопрос останется неразрешенным до конца. Разве только путем «чистки».

Нигде и никогда нация не была базой, на которой создалось государство. Вздор, будто народы делятся на «государственные» (*Staatsnation*) и лишенные государственного «инстинкта», и будто в одних зонах Европы возникли национальные государства по воле народов, а в других — нет, потому что народы не стремились к этому. Раньше, чем народы знали о себе, что они — народы, в Европе возникла политическая система, система организаций силы, созданных владельцами отдельных территорий, население которых состояло из подданных этих владельцев. Различные комбинации самых разнообразных и случайных, один по отношению к другому факторов — вера, династические отношения, географические условия, войны, торговля — обусловили собою то, что в одной зоне племенное, языковое, вероисповедное единство совпадало с политическим, в другой — нет, что с терминами «Франция», или «Англия» связывалось представление об определенной области, где все люди были «французы» или «англичане», все — или почти все — говорили на одном и том-же языке, исповедывали одну веру, подчинялись одному государю и одному общему закону; что с терминами «Германия», или «Италия», связывалось представление о такой же определенной области,

где тоже все — или почти все — «немцы», «итальянцы» имели общий язык, походили друг на друга нравами и обычаями, но не имели ни общей власти, ни общего права, ни общих границ; наконец, что в течение веков одно из первых мест в политической системе Европы занимала величина, которой нельзя было назвать иначе как «наследственные земли Габсбургского дома». И эти «наследственные земли» и самая сильная с XVIII века германская держава, получившая свое имя по территории, где немцы были пришельцами, и владения которой были разбросаны по всей Германии, Пруссии, и Парма или Модена представлялись в такой же мере «нормальными» образованиями, как и Франция или Англия. В эпоху Великой Революции и Империи, эпоху романтизма, Отечественной войны, битвы «народов», в европейском сознании наступил перелом. Народы осознали себя и стали приучаться к мысли, что «нормальным» является лишь такое развитие, какое проделали Франция и Англия, оказавшиеся самыми живучими, самыми прочными величинами; они стали считать, что их собственное развитие отставало в своем ходе от «нормального», но должно было привести к тем же результатам, к каким привела история «нормально» развивавшихся народов, — только с известным опозданием. Раз есть на свете итальянцы, должна — просто в силу закона исторической «эволюции» — быть Италия; раз есть чехи, должна быть Чехия, раз есть венгерцы, должна быть Венгрия, и т. д. Смысл европейской истории, с точки зрения исторической вульгаты, сложившейся в XIX веке, сводился именно к этому. А раз так должно было быть, раз в этом направлении шла «эволюция» Европы, то значит — это и могло быть достигнуто. И никто не хотел видеть, что это построение было на самом деле результатом подмены реальных величин именами. Историки, добивавшиеся того, чтобы восстановить прошлое, «каким оно было на самом деле» (постулат Ранке), когда они переходили к современности, оперировали, вместо реальностей, мифическими величинами. Поэтому было очень легко сочувствовать

одновременно всем вместе эмансипационным и сепаратистским тенденциям и движениям в средней и восточной Европе, просто на просто не замечая того, что условием успеха одного какого-нибудь из таких движений был — в силу необходимости — провал другого. Можно было сочувствовать борьбе венгерского народа за свое самоопределение и борьбе славянских народов — за свое, не замечая, что, во-первых, и венгерские демократы, как, например, Кошут, и знать ничего не желали о словаках или хорватах; во-вторых, что для польских патриотов освобождение Польши означало образование польского государства в его «исторических» границах, — «от моря до моря», что исключало эмансипацию украинского народа. Историческая вульгата изображала процесс развития средней и восточной Европы как борьбу народов против — «деспотов», не принимая в расчет того, например, что как раз Меттерних, олицетворение «реакции», «деспотизма», «темных сил», поддерживал каждый из народов Австрии в его стремлениях к тому, чтобы пользоваться своим языком, иметь свою школу, свою печать. Разумеется, всего менее Меттерних руководствовался соображениями сентиментально-романтического свойства. Для него дело шло о сохранении в неприкосновенности «наследственных земель Габсбургского дома»: национальные распри должны были, в его глазах, обеспечить состояние равновесия в пределах австрийской монархии. Как бы то ни было, он по своему понимал то, чего не понимали другие, а именно, что национальная проблема не только не исключает проблемы единства, но только при сохранении единства и может быть «разрешена». Впоследствии, — поскольку дело идет об Австрийской Империи, этой, можно сказать, Европы в сокращенном размере, — это поняли австрийские социал-демократы и несчастный эрцгерцог Франц-Фердинанд. Его убийство, явившееся прямым поводом к пан-европейской войне и крушению Европы, было фактом грандиозного символического значения. Оно было результатом упорного и, к сожалению, кажется, неискоренимого непонимания европейским «*Massenmensch*» (категория,

к которой должно быть отнесено и большинство руководителей, и фальсификаторов, европейского общественного мнения) сущности и смысла европейской истории: непонимания, у одних, факта наличия народов как равноправных коллективных индивидуальностей, число которых может расти, не считаясь с тем, занесен ли тот или другой народ в картотку исторической вульгаты, у других — того, что национальная проблема в Европе может быть разрешена только при одном условии: упразднения отдельных национальных, или псевдо-национальных государств, образования европейской федерации. Нет никакой возможности размежевать Европу так, чтобы политические границы всецело совпадали с этническими или языковыми. В каждом государстве есть — и не могут не быть — чужеродные элементы. Государство же есть организация силы. А быть сильным для современного государства, держащегося национальной армией, общественным мнением, означает быть однородным. Так или иначе, оно стремится отделаться от чужеродных элементов — путем ли «чистки», или принудительной денационализации их. Покуда в Европе отдельными ее зонами управляли короли, князья, герцоги, — они вели друг с другом борьбу за преобладание, но они могли ограничивать свои аппетиты, руководясь соображениями целесообразности, осуществимости своих целей; они могли, группируясь по отдельным «осям», добиваться состояния равновесия. Европейская политическая система и была системой равновесия политических сил, нарушавшегося лишь изредка и на краткие промежутки времени. Сейчас принято говорить о балканизации Европы. Формула эта гораздо значительнее, чем это думают пользующиеся ею: дело в том, что как раз на Балканах государства создались не монархиями, а народами, в борьбе за право самоопределения — и вот почему на Балканах никогда не было достигнуто состояние политического равновесия, ибо размежеваться так, чтобы не было спорных зон, чтобы стратегические границы совпали с этническими, языковыми или «естественными», не было никакой возможности.

«Балканизация» Европы состоит в том, что и в Европе «народы» из культурных, языковых, вероисповедных коллективов — чем они были в течение веков, превратились в то, чем были в течение веков короли и князья с их «кабинетами» и наемными войсками, в центры сил. Но народ не то же самое, что монарх. Монарх воплощал в себе государство, но все же — была грань между субъектом, обладателем силы, и объектом, самой этой силой. Монархи обменивались между собою землями, народами, когда это было необходимо ради поддержания равновесия, и — оставались монархами. Для народа же это равносильно утрате руки, ноги, носа, а то и головы. Монарх мог, достигнув известной степени «величия», успокоиться на этом. Народу остановиться на пути своего саморазвития — покуда он мыслит себя по аналогии с вытесненным им монархом — негде. Его «тело» это его — и никого другого — земля; его «душа» связана с этим его «телом», и никакой другой «душе» вселиться в это «тело» не дозволяется. А к этому присоединяется еще и другое: народ безостановочно растет — и потому ему все теснее и теснее в его собственном теле; а так как отношения между «телом» и «душою» в этого рода организмах такого свойства, что нет ничего легче, как высадить из тела одну какую-нибудь душу и заменить ее другою, то народ в процессе своего роста предъявляет свои «священные права» на все новые куски чужих тел, ссылаясь на исторические прецеденты, на географические условия («естественные» границы), на свою историческую «миссию».

Над европейским сознанием до сих пор еще продолжают тяготеть пережитки первобытных, дикарских, антропоморфических навыков мышления — с особенной силой как раз в моменты кризисов. До сих пор еще не было осознано, что народ, как и Церковь, не то же самое, что человек или любое другое животное; что структура этих величин совершенно иная, что это — духовные единства, а не «организмы»; что они живут, могут жить, только в человеке, в его сознании, его душе. Стоит увидеть это, и тогда национальный вопрос

разрешается сам собою, — без всяких пактов о ненападении, о вечном мире, без всяких, больших и малых, «ententes», статуты о правах меньшинств, только прикрывающих то состояние непрерывной войны, паники, психоза национальной дурацкой, бесчеловечной самовлюбленности, ведущей фатально к национальному обезличению, в которое европейские народы сами себя ввергли и из которого они не находят выхода.

П. Бицilli.

Экономический строй и интеллектуализация общества

Идеально совершенный социально - экономический строй должен обеспечить каждому члену общества духовные и материальные условия нормального развития, ведущего к порогу Царства Божия. Однако силы, способности, духовные и материальные средства человека в земных условиях чрезвычайно ограничены. Попытки иных социальных реформаторов одним судорожным прыжком сразу поднять общество на гораздо более высокую ступень развития, обыкновенно только разрушают достигнутое раньше скромное добро и вовсе не осуществляют новых высших форм совершенства. Однако наше время имеет исключительный характер. Мы живем на переломе от одного общественного строя к другому. Быстрое развитие техники, высокий уровень промышленности дает возможность в короткий срок вырабатывать огромные материальные богатства, но, при современных условиях обмена и распределения, эти богатства недоступны народным массам и наличность их ведет только к ухудшению положения — к безработице и к возрастанию нужды множества лиц.

Вспомним некоторые факты, характерные для наше-